

Информация для цитирования:

Богданова О. В. Религиозные мотивы в советской прозе М. Шолохова (рассказ «Семейный человек») / О. В. Богданова, Т. Н. Баранова // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 4. — С. 189—206. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-4-189-206.

Bogdanova, O. V., Baranova, T. N. (2024). Religious Motifs in Soviet Prose by M. Sholokhov (Story “Family Man”). *Nauchnyi dialog*, 13 (4): 189-206. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-4-189-206. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Религиозные мотивы в советской прозе М. Шолохова (рассказ «Семейный человек»)

Богданова Ольга Владимировна¹

orcid.org/0000-0001-6007-7657

доктор филологических наук,
профессор,

Научно-исследовательский
гуманитарный центр «Слово»,
корреспондирующий автор
olgabogdanova03@mail.ru

Баранова Татьяна Николаевна²

orcid.org/0000-0003-0516-2773

соискатель,
кафедра русской литературы
bysinka27@mail.ru

¹Русская христианская гуманитарная
академия им. Ф. М. Достоевского
(Санкт-Петербург, Россия)

²Российский государственный
педагогический университет
им. А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено при поддержке
гранта Российского научного фонда
№ 23-18-01007 (Русская христианская
гуманитарная академия
имени Ф. М. Достоевского)

Religious Motifs in Soviet Prose by M. Sholokhov (Story “Family Man”)

Olga V. Bogdanova¹

orcid.org/0000-0001-6007-7657

Doctor of Philology, Professor,
Researcher Humanitarian
Research Center “Slovo”,
Corresponding author
olgabogdanova03@mail.ru

Tatyana N. Baranova²

orcid.org/0000-0003-0506-2773

degree seeker,
Department of Russian Literature
bysinka27@mail.ru

¹Russian Christian Academy
for Humanities named after
Fyodor Dostoevsky
(St. Petersburg, Russia)

²The Herzen State Pedagogical
University of Russia
(St. Petersburg, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported by Russian Science
Foundation, project number 23-18-01007
(Russian Christian Academy
for Humanities named
after Fyodor Dostoevsky)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Предлагается новая интерпретация рассказа Михаила Шолохова «Семейный человек» из сборника рассказов «Лазоревая степь» («Донские рассказы»). Традиционно образ центрального персонажа — казака-паромщика Микишары — трактовался как образ героя-грешника, преступника, сыноубийцы. Однако автор статьи рассматривает образ ведущего персонажа в свете библейских мотивов и параллелей. Показано, что ночная исповедь старого паромщика пронизана аллюзиями к сакральному библейскому тексту и, в частности, непосредственно к образу Бога-Отца, пославшего на смерть собственного Сына. Образ отца-казака выстраивается писателем в проекции к священному образу Отца-Духа и в подобном сопоставлении эксплицирует новые семантические маркеры характера героя. Темпоральная константа исповедального рассказа — Пасха — дополняется у Шолохова образами-мотивами голубя, души, вербы, реки, рыбы и др. Тем самым формируется не затрагивавший ранее в критике смысловой пласт произведения, в контексте которого начинают проступать новые слагаемые мотивной системы: не грех и вина, но беда и жертвенность, мучения и страдания, с которыми в условиях страшной братоубийственной гражданской войны столкнулся казак-отец. В ходе анализа продемонстрировано, как поэтологические компоненты рассказа (название, смена названия, композиция «рассказ в рассказе», сюжетная динамика и нарративные паузы, символизированный пейзаж, приемы портретирования и др.) ориентированы писателем на авторские оценочные смыслы.

Ключевые слова:

Михаил Шолохов; *Семейный человек*; религиозные мотивы; авторская аксиология.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

A new interpretation of Mikhail Sholokhov's story "Family Man" from the collection of stories "Lazorevaya Step" ("Don Stories") is proposed. Traditionally, the image of the central character — the Cossack ferryman Mikishara — has been interpreted as a portrayal of a sinful hero, a criminal, a patricide. However, the author of the article considers the leading character's image in light of biblical motifs and parallels. It is demonstrated that the old ferryman's night confession is permeated with allusions to sacred biblical texts, specifically to the image of God the Father who sent his own Son to death. The image of the Cossack father is constructed by the writer in projection to the sacred image of the Father-Spirit, and in this comparison, new semantic markers of the character's nature are explicitly revealed. The temporal constant of the confessional narrative — Easter — is supplemented by Sholokhov with motifs such as dove, soul, willow, river, fish, and others. Thus, an unexplored layer of meaning in the work emerges in which new components of the motif system begin to appear: not sin and guilt, but misfortune and sacrificialness, torment and suffering that the Cossack-father faced in the conditions of a terrible fratricidal civil war. The analysis demonstrates how the poetological components of the story (title, change of title, composition "story within a story", plot dynamics and narrative pauses, symbolized landscape, portraiture techniques, etc.) are oriented by the writer towards authorial evaluative meanings.

Key words:

Mikhail Sholokhov; *Family Man*; religious motifs; authorial axiology.

УДК 821.161.1Шолохов.07

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-4-189-206

Научная специальность ВАК

5.9.1. Русская литература и литературы
народов Российской Федерации

5.9.3. Теория литературы

Религиозные мотивы в советской прозе М. Шолохова (рассказ «Семейный человек»)

© Богданова О. В., Баранова Т. Н., 2024

1. Введение = Introduction

Историческая дистанция, возникающая сегодня в отношении к классическим образцам литературы социалистического реализма, заставляет вновь обращаться к тем произведениям, которые, казалось, давно и хорошо отрефлексированы критикой. Изменяющиеся историческая ситуация и социальная атмосфера требуют ревизии устоявшихся в науке представлений о произведениях таких писателей, как М. Горький, А. Серафимович, А. Фадеев, Н. Островский, А. Твардовский, Л. Леонов и др. В этом ряду оказывается и имя Михаила Шолохова, писателя неоднозначного, сложного, противоречивого, чьи произведения, как можно представить, далеко не всегда были интерпретированы советской критикой согласно имплицитированной (или показательно эксплицитированной) авторской позиции [Глушков, 1997, 2000; Ермолаев, 2000; Дырдин, 2009]. Новая историческая ситуация подводит исследователей к пересмотру «хрестоматийных» текстов Шолохова с целью их объективно верной интерпретации и глубинного понимания. Очевидно, что самому серьезному анализу должны быть подвергнуты романы Шолохова «Тихий Дон», «Поднятая целина», «Они сражались за Родину». Между тем и ранние «Донские рассказы», как показывает прочтение, содержат в себе множество сложных аналитических ракурсов и неожиданных нарративных поворотов, см. об этом: [Семенова, 2003; Комирная, 2005; Олина, 2005; Муравьева, 2007; Крылова, 2013; Бакалова, 2015; Абашева, 2016]. В качестве материала для анализа обратимся к рассказу «Семейный человек», достаточно известному критике и читателям, но, как правило, не оказывающемуся в центре научного рассмотрения.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Рассказ «Семейный человек» был написан в 1925 году. Впервые опубликован тогда же в журнале «Прожектор» (Прожектор. 1925. № 11.

15 июня). С другим названием — «Красногвардейцы» — вышел отдельным изданием в том же 1925 году [Шолохов, 1925]. Позже вновь под названием «Семейный человек» входил в состав сборников «Лазоревая степь» [Шолохов, 1926], «Донские рассказы» [Шолохов, 1929]. В последующие годы в составе этих и других сборников переиздавался многократно.

Что касается критического осмысления рассказа «Семейный человек», то специальному рассмотрению и исследовательской аналитике текст не подвергался: о нем упоминали лишь в общих обзорах, обобщенные аксиологические ракурсы всего сборника «Донские рассказы» проецировались и на него [Семенова, 2003; Маслова, 2007; Муравьева, 2007].

В целом отношение к «Донским рассказам» как в ранней, так и в поздней советской критике было выверенным и идеологически скорректированным, в основном — достаточно прямолинейным [Шолоховская энциклопедия ..., 2012]. Особенность советской партийной критики требовала репрезентации «Донских рассказов» как явления *советской* литературы, следовательно, пронизанных идеалами и устремлениями убежденного борца (автора) за советскую власть и советскую государственность. Можно предположить, что и смена названия «Семейный человек» → «Красногвардейцы» была обусловлена целевым намерением скорректировать акценты неоднозначного рассказа, хотя, как видно, не вполне убедительно, так как первоначальное название вскоре было возвращено. Однако, оставаясь в рамках переиздаваемого сборника, рассказ «Семейный человек» неизменно «опускался» критиками из аналитических разборов, не удостоивался детального текстуального анализа. Идеиная установка сборника, а следовательно, и рассказа определялась в самой общей партийной аксиологии: «Все, кто борется за правое дело, за революцию, за счастье народа, согреты теплом большого шолоховского сердца <...> Все рассказы пронизаны верой в сильного, волевого, мужественного героя, стойкого в борьбе и преодолении препятствий» [Петелин, 2012]. По словам В. Петелина, герои «Донских рассказов» отличаются «прежде всего своими человеческими свойствами <...> своей устремленностью в будущее, страстным желанием учиться, добротой, смелостью, мужеством, неповторимостью всего своего облика» [Петелин, 2012]. Авторитетные критики советского времени уверенно и единодушно квалифицировали шолоховские «Донские рассказы» как служащие делу победы социализма в молодой советской стране.

На этом фоне аксиология обобщенной (или поверхностной) проблематики рассказа «Семейный человек» расхождений у советской критики не вызывала. Без текстуальной аналитики вина центрального героя рассказа Микишары признавалась неоспоримой, грех неискупимым, социаль-

ная принадлежность к казачеству, восставшему против советской власти, только усугубляла тяжесть преступлений персонажа.

Обратим внимание, что и сегодня современные исследователи воспринимают текст «Семейного человека» в весьма сходном ракурсе. Так, на сайте для школьников и учителей «Открытый урок. Первое сентября» демонстрируется презентация сопоставительного анализа шолоховских рассказов «Родинка» и «Семейный человек». Относительно образа Микишары методист М. И. Бондарева задается вопросами и предлагает на них ответы:

«— Почему он убивает Данилку? Жалко ему сына? (Да. Рассказывая, переживает. <...> Но переживает больше за себя. Ведь “понял я тут: ежели не вдарю его, то убьют меня свои же хуторные, останутся малые дети горькими сиротами...”)

— Какую награду получил Микишара за убийство своего сына? (“Меня за это дело в старшие урядники произвели”)

— Какие чувства вызвало у Микишары убийство второго сына? (“... косые глаза глядели жестко и нераскаянно... Ежели б пустил я тебя — меня б убили казаки, дети по миру пошли бы христарадничать...”) <...>

— Как относится повествователь к Микишаре? (Повествователь отвергает “арифметику” Микишары. <...> у Микишары нет раскаяния, ибо нет осознания греха. Герой делает свой выбор, опираясь на рассудок, подходя к человеческим жизням с количественными измерениями, отринув Бога, презрев христианскую заповедь любви к ближнему, заглушив голос своего сердца)» [Бондарева, 2021].

Кажется, методист вполне убедительно доказывает свои суждения — заметим, точным цитированием текста. Между тем, на наш взгляд, вопреки приведенным цитатам, позиция автора и трактовка образа центрального героя осмыслены вне связи с шолоховским замыслом. Попробуем предложить и доказать иную точку зрения, соответствующую, по нашим представлениям, глубинной интенции автора.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Особенности сюжетно-композиционного построения рассказа

Смена названия рассказа «Семейный человек» на «Красногвардейцы», а затем возврат к исходному заставляют остановиться прежде всего на заголовочном комплексе текста. Очевидно, что определение системы персонажей как *красногвардейцы* даже в самом отдаленном плане не выдерживало критики и отступало от событийной канвы рассказа. Первоначальное (и теперь каноническое) название свидетельствовало, что Шолохов привлекал образ *семейного* человека и его судьба в условиях Граждан-

ской войны. Возвращение к первоначальному заголовку актуализировало не столько изображение событий в стане белогвардейцев-казаков, сколько нивелировку политической и социальной характеристики (принадлежности) персонажей: образ *семейного человека* размещался писателем вне рамок политической борьбы и идейного противостояния. Название акцентировало «мирный» оттенок центрального образа, усиливая представление о несущественности для автора цвета гражданского противостояния. «Колебания» в названии рассказа становились свидетельством того, что в подобной ситуации мог оказаться любой семейный человек, представитель одной или другой из борющихся сторон. Нейтрально-обобщающий характер утвердившегося заголовка закреплял универсальность судьбы главного героя.

Композиционное построение рассказа «Семейный человек» характерно для прозы зрелого Шолохова. Текст построен по принципу «рассказ в рассказе», когда событийное ядро наррации опоясано присутствием «другого» героя, свидетеля и слушателя истории, которую рассказывает пожилой казак, ныне паромщик Микишара. В литературе подобный прием, как правило, эксплуатируется в случае необходимости появления объективного и непредвзятого персонажа-очевидца, которому доверяется оценка воссозданных в наррации событий, см. подробнее: [Борев, 2003, с. 454]. В «Семейном человеке» к подобной функции приема добавляется дополнительная — структурная, сюжетотворческая функция. Застигнутые разбушевавшейся водной стихией и вынужденные ночевать на берегу реки вдвоем, герои вступают в ситуативный и ничего не значащий разговор, который неожиданным (но подготовленным автором) образом перетекает в ночную исповедь центрального персонажа. Микишара рассказывает незнакомцу историю своей жизни — доверяет постороннему историю убийства во время гражданской войны двоих сыновей и отношения к нему повзрослевшей дочери Натальи и хуторян. Композиционно опоясывающий текст *диалог* вытесняется *монологом*, речевые апелляции рассказчика (вопросы, обращения) к слушателю заставляют держать во внимании присутствие «другого». История героя Микишары обретает стереоскопию — личностная позиция персонажа инспектируется ее восприятием со стороны.

Сюжетным импульсом к драматически насыщенному монологу героя-паромщика служат необязательные случайные сведения о том, что появившийся у переправы прохожий возвращается домой: «Гляжу я — не свойский ты человек, не из наших краев... Откель Бог несет?» [Шолохов, 1969, с. 339]. А получив ответ «Иду домой из армии», паромщик пытается уточнить: «Как же идешь — по отпуску аль потаенно?» [Шолохов, 1969, с. 339].

Вопрос старого паромщика дихотомичен: вероятно, прожившему на свете человеку приходилось встречать разных людей, и он готов принять любой ответ проходящего. Узнав, что случайный путник демобилизован («Год мой отпустили»), констатирует: «Что ж, дело спокойное...» [Шолохов, 1969, с. 339]. Характер, кажется, незначимых вопросов и признание «дело *спокойное*» подготавливает имплицитного реципиента к тому, что герой Шолохова мог знать и *неспокойную* жизнь.

3.2. Исповедальный пласт повествования

Итак, центральный герой повествования — паромщик. Подобный элемент повествования семантически значим, по-своему символичен. В русской и мировой литературе с образом реки связаны коннотации течения человеческой жизни, ее движения, поворотов и порогов. Именно это и демонстрирует зачинный пейзаж Шолохова — река поднялась, напористый ветер гонит воду вспять, паром не слушается хозяина, весла ломаются, лодка дает течь. Природа создает условия для задержки персонажей, для их вынужденной остановки и длинной ночной исповеди. «Много воды в Дону утекло с той поры...» [Шолохов, 1969, с. 341].

«Внешний», то есть рамочный природный пейзаж создан в рассказе красками *осени*: «Влажный песок под ногами пахнет гнилью, как перепрелое, набухшее водой дерево. Дорога путаной заячьей стежкой скользит по хворосту» [Шолохов, 1969, с. 338]. Между тем «внутренний», исповедальный хронологический ряд связан с *весной*. Таким образом, осень, возникающая в перитексте рассказа, служит сигналом ко времени подведения итогов, осенней зрелости центрального персонажа и его готовности к осмыслению собственной жизни. Весь набор выразительных языковых средств (*гниль, кладбище, уключины стонут* и др.) подготавливает воспринимающее сознание к трагизму предстоящего рассказа.

Портретная характеристика, которой наделяет героя прозаик, поддерживает тональность тревоги и ожидания истории о трагических событиях. У паромщика «босые, исполосованные синими жилами ноги», «посинелые ступни», руки «длинные, костистые, пальцы в узловатых суставах» [Шолохов, 1969, с. 339]. Он «гребет нескладно, сгорбатившись», но как знак его мастерства и опыта «весло услужливо ложится на гребенчатую спину волны и глубоко буровит воду» [Шолохов, 1969, с. 339]. У персонажа «ровное, без перебоев, дыхание; от вязаной шерстяной рубахи пахнет едким потом» [Шолохов, 1969, с. 339]. Мелкие неброские детали портретируют образ героя-труженика, опытного работника, знающего и умелого. Однако и этот многоопытный человек не всегда способен справиться со стихией: «Запохаживается, что затрет нас в лесу! Дурна шутка, а делать нечего, парнище! <...> Утопает наш паром, завтра придется до полудня дневалить на вербе»

[Шолохов, 1969, с. 339, 341]. Угрожающий сдержанный пейзаж и абрис в нем человека, столкнувшегося с неуправляемой природной волей и оказавшегося в ее власти, прогнозируют и намечают драматизм человеческой судьбы, захваченной *стихией* революционных событий.

Во время монологической речи паромщика персонаж-*другой* молчит, не прерывает рассказ репликами или замечаниями. Его присутствие фигуративно и субъектно аннигилировано, он «растворяется» в пространственном антураже. Между тем поток Микишаровой речи-монолога безостановочен, тем самым Шолохов подчеркивает, что исповедь героя — не случай, не единичный эпизод, но непрестанно мучающие героя мысли, стремление осознать жизнь и понять ее повороты. И этих мыслей-вопросов так много, что остановить «поток сознания» казака нельзя.

Едва герой касается размышлений о страдании, как тут же звучит вопрос: «А сколько их каждому приходится переносить?» [Шолохов, 1969, с. 339].

Упоминание о терпении и горечи жизни вызывает вопрос: «Жизня, жизнь, когда ты похужеешь?..» [Шолохов, 1969, с. 340]. Заметим: не станешь *лучше*, а *похужеешь*, как бы знаменуя предел человеческого страдания, которого достиг Микишара.

В качестве продолжения: «...в какую петлю мне голову просовывать?» [Шолохов, 1969, с. 340]. Обратим внимание: в какую *из*... Смертная петля у Микишары, как видно, не одна.

Обилие вопросов, которые Микишара обращает (казалось бы) к молчаливому собеседнику, — на самом деле вопросы не адресные, а риторические, обращенные в глубь себя, требующие собственного осознания. Вопросы не сиюминутные, по существу — «вечные» и «проклятые».

Совость героя беспокойна, душа болит. Но понимания среди людей, близких и далеких, своих и чужих, он не находит. Герой одинок, «будто кулик на болоте» [Шолохов, 1969, с. 340]. Он один против всех, и все против него. Кажется, аксиологическая шкала выверена: казацкий мир отверг Микишару, колебаний в порочности нравственного статуса героя быть не может. Но так ли это? в чем вина (или беда) Микишары?

Сюжетное появление в рассказе случайного слушателя — только повод (для писателя — *способ*) реализации процесса говорения героя вслух, озвучивания его тяжелых мыслей. Ситуация возвращения в родной дом сегодняшнего демобилизованного солдата формирует неотчетливую параллель между его *спокойной* судьбой и историей гибели сыновей Микишары в годы гражданской войны.

Внешнее композиционное кольцо (встреча двух героев) уводит в глубь истории (семьи Микишары), отнесенной писателем к 1918 году, времени

восстания Верхне-Донского казачества. «Получилось у нас в станице против Советской власти восстание! <...> станица наша вооружилась чем попадя <...> До весны держали мы фронт против красных» [Шолохов, 1969, с. 340, 341]. Не только по тексту романа-эпопеи «Тихий Дон», но и по истории публикации его третьего тома известно, что изображение «смутного времени» [Шолохов, 1969, с. 340] едва не поставило под вопрос выход эпопеи и грозило расстрелом ее автору [Шолоховская энциклопедия ..., 2012]. В рассказе трагизм эпических событий оказался сфокусированным в кратком нарративе «малого» жанра, но сжатость повествования не помещала критику советской поры И. Лежневу разглядеть, что «Донские рассказы» стали «предысторией “Тихого Дона”» [Лежнев, 1948]. Сгорбленный тяготами судьбы («сгорбавившись») центральный персонаж рассказа «Семейный человек» выявляет «самую горечь» [Шолохов, 1969, с. 340] трагических событий братоубийственной гражданской войны.

На фабульно-событийном уровне герой Микишара совершает страшные, безнравственные, непростительные деяния: в ситуации противостояния красных и белых он убивает (участвует в убийстве) собственных сыновей. Ни автор-повествователь, ни герой-рассказчик не ищут оправдания чудовищным поступкам Микишары, в системе гуманистических координат принять и простить их не представляется возможным.

3.3. Пасхальные мотивы и образы повествования

С первых строк складывается впечатление, что герой-рассказчик груб, жесток, бессердечен. Вспоминая жену, он называет ее «плодущей», вместо привычного слова «родила» использует зооморфный глагол «нажеребила», о смерти жены в родах девятого ребенка говорит «скопытилась» [Шолохов, 1969, с. 340]. «Голопузые» дети-сироты, оставшиеся без матери, не радуют отца, он признается: «...детишек ни одного Бог не убрал, *как ни упрашивал...*» [Шолохов, 1969, с. 340]. При этом повествование ведет сам персонаж-актант, но в ходе исповеди он не щадит себя, не пытается обелить собственные поступки в своих или чужих глазах. Герой совершает злодейские деяния и сам это понимает.

Между тем, как ни странно, в исповедальный рассказ писателем неброско встраиваются тонкие пасхальные мотивы, позволяющие иначе взглянуть на персонажа, разглядеть глубинное авторское отношение к герою, осознать аксиологический вектор его поступков, ср.: [Юдин, 2002; Стюфляева, 2004, Чалова, 2007].

Пасхальная тема проступает в рассказе в связи с эпизодом смерти любимого сына Данилы. Во время восстания вместе со старшим братом Иваном примкнувший к стану красных, спустя какое-то время Данила попадает в плен к хуторским казакам, среди которых и его отец.

В ходе повествования Микишара несколько раз повторяет собственную (= титульную) формулу: «я — семейный человек» (дважды на одной странице) [Шолохов, 1969, с. 341]. Помимо старших сыновей, на руках у одиночки-отца семеро малышей: «семеро ртов — девки и ребятенки малые», «семеро по лавкам, и каждый рот куска просит» [Шолохов, 1969, с. 340]. Однако казачий сход решил: «...потому что сыны в большевиках», Микишару «безо всяких вниманий сгребли и отправили на фронт», «от службы никакого послабления не дали» [Шолохов, 1969, с. 341].

Данила — любимый сын. «Энтот в матерю зародился: ростом низенький, тушистый, волосы русые, ажик белесые, а глаза карие, и был он у меня самый коханий, самый желанный» [Шолохов, 1969, с. 340]. Любовь к сыну, походившему на мать, использование характеристических эпитетов *коханий* и *желанный* позволяют предположить, что и жену, вразрез звучавшим грубым и резким словам, Микишара горячо любил и тяжело переносил ее смерть.

Любовь становится испытанием героя. Персонаж поставлен в ситуацию выбора *между* отцовской любовью к сыну Даниле и любовью-заботой о еще семерых беззащитных «голопузах». М. И. Бондарева квалифицировала возникший перед персонажем выбор как «арифметику» [Бондарева, 2021]. И это так — Микишаре приходилось взвешивать, *высчитывать*, какое решение будет правильное и гуманнее. Он выбирает «ребетёнков малых».

Указание на точное время описываемых событий, которое акцентирует писатель, несомненно, не случайно. «...дело это было под Пасху, пригоняют в хутор девять человек пленных, и Данилушка — голубь мой любимый — с ними...» [Шолохов, 1969, с. 341]. Темпоральная характеристика событий — *Пасха*, и она поддерживается символическим образом *голубя*, который еще более усиливает акцент сакральности.

Как известно, в православной традиции голубь — символ души, см. подробнее: [Иванов, 1992, с. 346—349]. Душа умершего человека оборачивается птицей, этим объясняется появление пластического изображения горлицы / горлинки на могильных памятниках.

В христианстве голубь служит воплощением Духа Святого, одной из триединных ипостасей Бога-Отца.

Евангелие от Иоанна: «Я видел Духа, сходящего с неба, как голубя, и пребывающего в Нем» (Ин. 1: 32).

Евангелие от Луки: «Дух Святой нисшел на Него в телесном виде, как голубь» (Лк. 3: 22).

В подобном понятийном пространстве образ голубя связан с идеей божественной любви, обещанием вечной жизни на небесах и, что особенно важно для рассказа Шолохова, мотивом жертвоприношения. Микишара

вынужден пожертвовать любимым сыном ради «малых детей» [Шолохов, 1969, с. 341], он жертвенно отдает своего любимого сына на заклание.

Мотив *чистой слезы* оттеняет сформированную писателем мотивную систему: «Слезы у него кровь по щекам смыывают...» [Шолохов, 1969, с. 341], — сближая понятия *слезы* и *кровь*, христианского страдания и искупления.

Эпизод расправы казаков с Данилушкой представлен зримо и психологически остро и получает мистико-метафорический отклик в состоянии природы: «...верба дрогнула и тягуче заскрипела» [Шолохов, 1969, с. 341]. Пейзаж (неброско и словно бы случайно) актуализирует еще один христианский символ — *верба*, знак победы жизни над смертью.

В интерпретации рассматриваемого эпизода М. И. Бондарева выдвигает на первый план «награду», которую получил отец за расправу над сыном — повышение до старшего урядника. Однако методист не учитывает формально-структурные речевые особенности Микишарова сообщения о получении чина: «*Долго молчал, потом, понижая голос, глухо* заговорил: “Меня за его дело в старшие урядники произвели...”» [Шолохов, 1969, с. 341]. Трехступенчатое снижение в структуре фразы свидетельствует о горечи и тяжести «награды», дополнительного бремени-греха, цинично возложенного на героя жестокими хуторянами («Грозилась хуторные...» [Шолохов, 1969, с. 341]).

Признания героя «...у меня душа замутилась» [Шолохов, 1969, с. 341] или «вот она, совесть, и убивает...» [Шолохов, 1969, с. 341], которыми изобилует рассказ, если и не оправдывают героя, то позволяют судить о его тяжелых душевных муках. Вопрос-обращение «*Матерь пречистая*, неужто я сына буду убивать?» [Шолохов, 1969, с. 341] включает в себя «свернутое» молитвенное зывание к Богородице.

3.4. Мотивы мученического венца и жертвенности

Однако в рассказе Шолохова со смертью любимого сына Данилушки испытания отца (или, с точки зрения казаков, *расплата*) еще не закончились. Старший сын Иван чуть позже тоже попадает в руки хуторских казаков. Сбывается угроза: «Ежели найдем где Ваньку, *душу вынем*» [Шолохов, 1969, с. 341]. Изображая внешне сурового и черствого казака, Шолохов постоянно прибегает к слову-понятию *душа* и его лексико-грамматическим вариантам. Другое дело, что с каждым новым испытанием душа Микишары если не умирает, то иссушается и черствеет.

История гибели старшего сына Ивана по-прежнему связана у Шолохова с мотивами и образами христианской символики. В Ивановом случае волю и поведение Микишары опосредует участие Господа. В ситуации, когда казаки отправляют Ивана в штаб под конвоем отца, Микишара осоз-

нает, что казаки его в очередной раз испытывают, подвергают дьявольскому искушению. «И вразумил тут меня *Господь*. Догадался я: к тому они меня в конвой назначают, думают, что пушу я сына на волю, опосля и его словят, и меня убьют...» [Шолохов, 1969, с. 341].

Было бы неверным согласиться с М. И. Бондаревой, что Микишара боится за себя. Для него по-прежнему выбор стоит *между детьми*, Иваном и оставшимися на хуторе «малыми». В новом испытании выбор героя еще более жесток. Если в случае с Данилой отцу удалось «кину[ть]ся в улочку и бежать» [Шолохов, 1969, с. 341], не увидеть собственными глазами смерть сына, то в случае с Иваном он вынужденно (по «дьявольскому» наущению) остается с сыном один на один.

Моление Иваном отца об избавлении, о свободе напоминает религиозный мотив моления о чаше.

Евангелие от Матфея: «Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия...» (Мтф. 26: 40).

Евангелие от Марка: «Отче! всё возможно Тебе; пронеси чашу сию мимо Меня...» (Мк. 14: 36).

У Шолохова: «А коли жалко —пусти меня...» [Шолохов, 1969, с. 341], и герой «упал посередь дороги и в землю мне [отцу] поклонился до трех раз» [Шолохов, 1969, с. 341]. Как в обрядовых (тремякратно) церковных ритуалах, сын целует руки отца: «...кинулся ко мне и руки целует...» [Шолохов, 1969, с. 341].

Шолохов избегает психологических нюансов и подробностей, он не детализирует душевное состояние героя, но подчеркнутая сухость и намеренный лаконизм до предела обостряют восприятие ситуации и осознание трагически неизбежного выбора отца. Вновь в «арифметической» заботе о семерых и малых. «Прими ты, Ванюшка, за меня мученский венец. У тебя — жена с дитем, а у меня их семеро по лавкам. Ежели б пустил я тебя — меня б убили казаки, дети по миру пошли бы христарadniчать...» [Шолохов, 1969, с. 343]. Образ *мученического венца* скрепляет религиозную символику исповеди-рассказа и выстраивает узнаваемые (особенно для еще недавно «отделенных» от церкви современников Шолохова) библейские параллели.

В процессе экспликации авторской «без-словесной», *молчаливой* позиции семантически значима и выразительна сцена последнего вздоха сына. Смертельно раненный выстрелом отца, в последние минуты жизни Иван не выпускает отцовскую руку: «Немножко он полежал и помер, а *руку мою в руке держит...*» [Шолохов, 1969, с. 344]. Последний жест сына — как прощение отцу, понимание его мучительного (= мученического) выбора. «Обнимает он меня, а у меня сердце кровью обливается» [Шолохов, 1969, с. 343], «сердце тоскует *смертно...*» [Шолохов, 1969, с. 343].

Как обнаруживает текст, в обоих эпизодах смерти сыновей у Шолохова доминирует жертвенный выбор *отца* — предать смерти *сына* «во имя искупления грехов многих». Проекция к святому писанию очевидна, образ Бога-Отца (Отца-Духа) контурируется в антураже событийной канвы повествования.

Как и в истории гибели Данилы, эпизод с Иваном завершается писателем созданием *повествовательной паузы*. Невольный слушатель не прерывает рассказчика, не задает вопросов, но нарративный дискурс замирает. «Микишара *долго* доставал кiset, *долго* высекал кресалом огня, закуривал, плямкая губами. В пригоршне *рдел* трут, на лице паромщика *двигались скулы*, а из-под *напухших* век косые глаза глядели жестко и нераскаянно» [Шолохов, 1969, с. 343]. Возможный психологически сложный внутренний комментарий уступает место сухому перечислению внешних черт и скупых движений персонажа: *лишних* слов Шолохов избегает, тем самым не растушевывая простоту и глубину трагического рассказа Микишары.

Обращает на себя внимание эпитет *нераскаянно*, акцентированно поставленный художником в конечную позицию предложения, еще отчетливее демонстрирующий *неизбежность* выбора отца. Герой не раскаивается в выборе, который он сделал много лет назад. Можно предположить, что и сегодня он выбрал бы ту же трагическую «арифметику».

3.5. Мотивы страдания и расплаты

Однако, как показывает Шолохов, испытания Микишары не заканчиваются. События периода гражданской войны сменяются современными, которые синхронны перитекстуальному сюжетно-композиционному кольцу. Подростая дочка Микишары Наташка («*нونهшний год идет ей семнадцатая весна*» [Шолохов, 1969, с. 340]) упрекает отца в совершенных преступлениях: «Гребостно [*мерзко, противно, неприятно*] мне с вами, батя, за одним столом исть. Как погляжу я на ваши руки, так сразу вспомню, что этими руками вы братьев побили; и с души рвать меня тянет...» [Шолохов, 1969, с. 340]. Вновь мелькает категория *души*, но если старший сын, тоже «семейный человек», имевший жену и собственного ребенка, простил (остается надеяться) перед смертью отца, то дочь-подросток, а может быть, и все семеро спасенных детей-голопузов не даруют отцу прощения.

Мучения отца нет предела: «Как мне возможно это теперича переносить?» [Шолохов, 1969, с. 344]. Надежды на избавление от страданий у героя нет.

Имплицитная праведность героя не принята и не понята окружающими — для хуторских казаков он черт: «Ми-ки-ша-ра-а! *Шо-о-орт!*.. Паром го-ни-и-и...» [Шолохов, 1969, с. 344]. Вся жизнь героя предполагает остаться вечной неизбывной мукой, осененной категориями *вины*, а не

беды, которая в трагических обстоятельствах гражданской войны нависла над персонажем.

4. Заключение = Conclusions

Завершая анализ рассказа «Семейный человек», можно напомнить о принятом в критике «точечном» сопоставлении его с рассказом «Родинка». Событийные ситуации художественных текстов, кажется, действительно похожи: в обоих случаях ядро истории составляет убийство отцом родного сына. Однако «облегченность», на наш взгляд, фабулы в «Родинке» проступает в том, что казацкий атаман *случайно* убивает молодого красногвардейца, не подозревая о покусительстве на «родную кровь». Тогда как в ситуации «Семейного человека» накал обстоятельств приумножен тем, что отец вынужден делать публичный и осознаваемый им выбор, и что еще страшнее — на глазах собственного сына (обоих сыновей, дважды).

Финальная развязка «Родинки» тоже выглядит в условной мере более «упрощенной» в сравнении с «Семейным человеком». В «Родинке» атаман, казак-отец, признав в убитом красноармейце сына, совершает самоубийство, избавляя себя от непереносимых мук, тогда как Микишара лишен такой возможности и обречен пожизненно нести мучения, без малой надежды на понимание и прощение даже со стороны собственных детей.

Некоторые исследователи по сконцентрированности *смертельных* обстоятельств, которые создают сюжет наррации, сопоставляют «Донские рассказы» с рассказом-эпопеей «Судьба человека». Но и в данном случае этико-эстетическая проработка категории трагического в рассказе «Семейный человек» оказывается, в нашем представлении, глубже, ибо в «Судьбе человека» у героя Соколова в конце концов появляется надежда — жизнь «зеленой веточки» Ванюшки, сироты, заменившего Андрею сына (детей, семью). «Проснусь, а он у меня под мышкой приютится, как воробей под застрехой... до того мне становится радостно на душе, что и словами не скажешь» [Шолохов, 1969, с. 534]. Будущее героя Микишары — беспросветно.

Таким образом, подтекстово проступающие в рассказе «Семейный человек» религиозные (христианские, пасхальные) мотивы не броско, но аксиологически точно обнаруживают подлинную точку зрения начинающего писателя Шолохова, сумевшего уже в юные годы осознать библейский размах трагизма братоубийственной гражданской войны. Образ казака Микишары неканонически (почти недопустимо), но достаточно рельефно выстраивал (должен был выстроить) для близких церкви современников писателя параллель к образу Бога-Отца, допустившего смерть Сына «во имя многих». Проследивание религиозных мотивов в тексте рассказа «Се-

мейный человек» позволяет приоткрыть новые — универсальные и философские — ракурсы повествования.

Остается большой загадкой, как столь аксиологически маркированный «донской рассказ» был пропущен советской цензурой и выходил в составе всех шолоховских сборников 1920—1930-х и последующих годов, времени расцвета и доминирования партийной литературы социалистического реализма, отторгнутой от христианских православных норм и канонов.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.
---	---

Источники и принятые сокращения

1. Шолохов М. А. Донские рассказы / М. А. Шолохов. — Москва : Московский рабочий, 1929. — 36 с.
2. Шолохов М. А. Красногвардейцы: рассказ / М. А. Шолохов. — Москва ; Ленинград : Госиздат, 1925. — 23 с.
3. Шолохов М. А. Лазоревая степь : рассказы / М. А. Шолохов. — Москва : Новая Москва, Юношеский центр, 1926. — 174 с.
4. Шолохов М. А. Полное собрание сочинений : в 8 т. / М. А. Шолохов. — Москва : Художественная литература, 1969. — Т. 7. — С. 338—343.

Литература

1. Абашева Д. В. Поэтика народной культуры в «Донских рассказах» М. Шолохова / Д. В. Абашева // Преподаватель XXI век. — 2016. — № 1. — С. 416—423.
2. Бакалова З. Н. Гражданская война в рассказе М. Шолохова «Родинка» : пафос рассказа и его языковая репрезентация / З. Н. Бакалова // Балтийский гуманитарный журнал. — 2015. — № 1 (10). — С. 12—14.
3. Бондарева М. И. Сопоставительный анализ рассказов М. А. Шолохова «Родинка» и «Семейный человек» [Электронный ресурс] / М. И. Бондарева. — 2021. — Режим доступа : <https://urok.1sept.ru/articles/630521> (дата обращения 2.05.2024).
4. Боров Ю. Б. Эстетика. Теория литературы / Ю. Б. Боров. — Москва : Астрель, 2003. — 575 с. — ISBN 5271070557.
5. Глушков Н. И. Реализм М. Шолохова / Н. И. Глушков. — Ростов-на-Дону : Изд-во Института массовых коммуникаций, 1997. — 61 с.
6. Глушков Н. И. Национальная совесть М. А. Шолохова в расколотом зеркале литературной критики сегодня / Н. И. Глушков // Шолоховские чтения. Творчество писателя в национальной культуре России : сб. статей — Ростов-на-Дону : Росиздат, 2000. — С. 129—132. — ISBN 5-7509-0921-2.
7. Дырдин А. А. Этюды о Михаиле Шолохове / А. А. Дырдин. — Москва : Шолоховская школа, 2009. — 137 с. — ISBN 978-5-94238-101-1.
8. Ермолаев Г. С. Михаил Шолохов и его творчество / Г. С. Ермолаев. — Санкт-Петербург : Академический проект, 2000. — 441 с.

9. Иванов В. В. Птицы / В. В. Иванов, В. Н. Топоров // Мифы народов мира : энциклопедия / Гл. ред. С. А. Токарев. — Москва : Сов. энциклопедия, 1992. — Т. 2. — С. 346—349.

10. Комирная Н. Ю. Художественная концепция судьбы в «Донских рассказах» М. А. Шолохова : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / Н. Ю. Комирная. — Москва, 2005. — 187 с.

11. Крылова М. Н. Выражение языковой личности М. А. Шолохова посредством сравнительных конструкций (на материале «Донских рассказов») / М. Н. Крылова // Перспективы науки и образования. — 2013. — № 6. — С. 166—169.

12. Лежнев И. Г. Михаил Шолохов / И. Г. Лежнев. — Москва : Советский писатель, 1948. — 519 с.

13. Маслова И. Б. Функциональная семантика обращений в «Донских рассказах» М. Шолохова / И. Б. Маслова, Е. С. Рудыкина // Вестник РУДН. — Сер. Вопросы образования: языки и специальность. — 2007. — № 1. — С. 30—35.

14. Муравьева Н. М. Проза М. А. Шолохова : онтология, эпическая стратегия характеров, поэтика : диссертация ... доктора филологических наук : 10.01.01 / Н. М. Муравьева. — Тамбов, 2007. — 497 с.

15. Олина М. О. Революция и сердце ребенка («Донские рассказы» М. А. Шолохова) / М. О. Олина, С. М. Звягинцева // Филологический класс. — 2005. — № 14. — С. 65—68.

16. Петелин В. В. Критики и литературоведы о «Донских рассказах» [Электронный ресурс] / В. В. Петелин. — 2012. — Режим доступа : <http://sholohov.lit-info.ru/sholohov/kritika/petelin-o-donskih-rasskazah.htm> (дата обращения 2.05.2024).

17. Семенова С. «Донские рассказы» : от поэтики к миропониманию / С. Семенова // Новое о Михаиле Шолохове : исследования и материалы. — Москва : ИМЛИ РАН, 2003. — С. 207—281.

18. Стюфляева Н. В. Идея соборности и её художественное воплощение в романе М. А. Шолохова «Тихий Дон» : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / Н. В. Стюфляева. — Елец, 2004. — 19 с.

19. Чалова А. П. Система христианских мотивов в художественном мире «Тихого Дона» М. А. Шолохова : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / А. П. Чалова. — Сургут, 2007. — 21 с.

20. Шолоховская энциклопедия / гл. ред. Ю. А. Дворяшин [и др.]. — Москва : Синергия, 2012. — 1215 с. — ISBN 978-5-94238-022-9.

21. Юдин В. А. Православно-христианский аспект эпопеи М. А. Шолохова «Тихий Дон» / В. А. Юдин // Журналистика : информационное пространство. — 2002. — № 1. — С. 125—128.

Статья поступила в редакцию 20.03.2024,
одобрена после рецензирования 14.05.2024,
подготовлена к публикации 21.05.2024.

Material resources

Sholokhov, M. A. (1969). *Complete works: in 8 volumes*, 7. Moscow: Fiction. 338—343. (In Russ.).

Sholokhov, M. A. (1929). *Don stories*. Moscow: Moskovsky rabochy. 36 p. (In Russ.).

Sholokhov, M. A. (1925). *Krasnogvardeysy: a story*. Moscow; Leningrad: Gosizdat. 23 p. (In Russ.).
Sholokhov, M. A. (1926). *Lazorevaya steppe: stories*. Moscow: New Moscow, Youth Center. 174 p. (In Russ.).

References

- Abasheva, D. V. (2016). Poetics of folk culture in the “Don stories” by M. Sholokhov. *Teacher of the XXI century, 1*: 416—423. (In Russ.).
- Bakalova, Z. N. (2015). The Civil war in M. Sholokhov’s story “The Birthmark”: the pathos of the story and its linguistic representation. *Baltic Humanitarian Journal, 1* (10): 12—14. (In Russ.).
- Bondareva, M. I. (2021). *Comparative analysis of M. A. Sholokhov’s short stories “Birthmark” and “Family man”*. Available at: <https://urok.1sept.ru/articles/630521> (accessed 2.05.2024). (In Russ.).
- Borev, Yu. B. (2003). *Aesthetics. Theory of literature*. Moscow: Astrel. 575 p. ISBN 5271070557. (In Russ.).
- Chalova, A. P. (2007). *The system of Christian motifs in the artistic world of the “Quiet Don” M. A. Sholokhov*. Author’s abstract of PhD Diss. Surgut. 21 p. (In Russ.).
- Dyrdin, A. A. (2009). *Etudes about Mikhail Sholokhov*. Moscow: Sholokhov School. 137 p. ISBN 978-5-94238-101-1. (In Russ.).
- Ermolaev, G. S. (2000). *Mikhail Sholokhov and his work*. St. Petersburg: Academic Project. 441 p. (In Russ.).
- Glushkov, N. I. (1997). *Realism of M. Sholokhov*. Rostov-on-Don: Publishing House of the Institute of Mass Communications. 61 p. (In Russ.).
- Glushkov, N. I. (2000). The national conscience of M. A. Sholokhov in the split mirror of literary criticism today. In: *Sholokhov readings. The writer’s work in the national culture of Russia: collection of articles*. Rostov-on-Don: Rosizdat. 129—132. ISBN 5-7509-0921-2. (In Russ.).
- Ivanov, V. V. (1992). Birds. In: *Myths of the peoples of the world: encyclopedia, 2*. Moscow: Soviet Encyclopedia. 346—349. (In Russ.).
- Komirnaya, N. Y. (2005). *The artistic concept of fate in the “Don stories” by M. A. Sholokhov*. PhD Diss. Moscow. 187 p. (In Russ.).
- Krylova, M. N. (2013). The expression of the linguistic personality of M. A. Sholokhov through comparative constructions (based on the material of “Don stories”). *Prospects of science and education, 6*: 166—169. (In Russ.).
- Lezhnev, I. G. (1948). *Mikhail Sholokhov*. Moscow: Soviet writer. 519 p. (In Russ.).
- Maslova, I. B. (2007). Functional semantics of appeals in the “Don stories” by M. Sholokhov. *Bulletin of the RUDN. Ser. Education issues: languages and specialty, 1*: 30—35. (In Russ.).
- Muravyova, N. M. (2007). *Prose of M. A. Sholokhov: ontology, epic strategy of characters, poetics*. Doct. Diss. Tambov. 497 p. (In Russ.).
- Olina, M. O., Zvyagintseva, Z. M. (2005). Revolution and the heart of a child (“Don stories” by M. A. Sholokhov). *Philological class, 14*: 65—68. (In Russ.).
- Petelin, V. V. (2012). *Critics and literary critics about the “Don stories”*. Available at: <http://sholohov.lit-info.ru/sholohov/kritika/petelin-o-donskih-rasskazah.htm> (accessed 2.05.2024). (In Russ.).
- Semenova, S. (2003). “Don stories”: from poetics to worldview. In: *New about Mikhail Sholokhov: research and materials*. Moscow: IMLI RAS. 207—281. (In Russ.).

- Sholokhov Encyclopedia*. (2012). Moscow: Synergy. 1215 p. ISBN 978-5-94238-022-9. (In Russ.).
- Stuflyayeva, N. V. (2004). *The idea of conciliarity and its artistic embodiment in M. A. Sholokhov's novel "The Quiet Don"*. Author's abstract of PhD Diss. Yelets. 19 p. (In Russ.).
- Yudin, V. A. (2002). The Orthodox Christian aspect of M. A. Sholokhov's epic "The Quiet Don". *Journalism: information space, 1*: 125—128. (In Russ.).

*The article was submitted 20.03.2024;
approved after reviewing 14.05.2024;
accepted for publication 21.05.2024.*